

правильно, тогда как знаки препинания и словоразделы навязаны тексту А. И. Мусиным-Пушкиным и его сотрудниками и потому подлежат основательному пересмотру. Не только непонимание древнерусской лексики и грамматического строя, но и резкое различие литературных вкусов и навыков сводило с пути истинного первых издателей и их последователей.

Животные и неживые предметы выступают вестниками в средневековой поэзии: шум половецких телег возвещает наступление Игоря (30); стяги предупреждают о приближении вражеских войск (50); «несобственно прямая речь» передает зловеющий гомон галок о предстоящем пиршестве (65). Издательская замена надлежащего двоеточия точкой или запятой навязали «ирической песне» чуждую ей и ее эпохе модернистически самодовлеющую метафоричность слуховых описаний. Образ дятлов, снующих по лозию, прибрежному ивняку, и стуком указывающих Игорю в предрассветной тьме и тишине так называемый «залозный» путь от реки к реке (202), был разрушен ошибочной интерпункцией, имевшей последствием ряд излишних и искусственных конъектур.

Не зная древнерусского слова «вазьнь», К читает «утрьже вазнистри кусы» (156), а П — «утрь же воззни стрикусы» с курьезным переводом «поутру же вонзив стрикусы». Этот перевод лег в основу дальнейших домыслов, и древнерусский словарь обогатился новоприобретенным «стрикусом», тогда как текст исправлен и ясен и не требует никакой ретуши: «утрьже вазни с три кусы» — «урвал удачи с три клока». Чтение «подпръ ся о копии» (154) подсказывают дальнейшие слова «и дотчеся стружиемъ», т. е. древком того же самого копья, но в П и К последняя гласная в слове «копии» отделена запятой и «копи» отождествляется с графически сходным «кони».

В К и П непонятые слова подчас наделяются прописной буквой и осмысливаются как собственные имена; часть этих фикций продолжает тяготеть над интерпретацией «Слова»; «время бусово» (109) превратилось из «хмурого времени» (ср. 98) во «времена царя Бооза», а «карна и ж[e]ля» — «вопленица и плач» (81) оказались именами половецких ханов, и расстановка точек в 81—82 довершает неразбериху.

Надстрочные буквы иногда пропускаются (200 «в[с]троскоташа», 99 «дебрь[с]ки») или же неправильно прочитываются: 4 «речь» вм. «рече» (ср. 19, 205 П «рече», К «речь»), 76 «вступилъ» вм. «вступила», 94 «одъвахъте» вм. «одъвахуть», 103 «нимъ» вм. «нима», 116 «мужаймъ ся» вм. «мужаймъся», 129 «стремень» вм. «стремени», 136 «солнцю» вм. «сльньць» (= слньчь), 152 «которое» вм. «которою», 155 «оть нихъ» вм. «отай», 161 «бѣднѣ», вм. «бѣды», 166 «розинося» вм. «розьно ся», 168 «Ярославнымъ» вм. «Ярославны ми», 168 «незнаемъ» вм. «незнаемъ», 175 «горъ» вм. «горѣ», 197 «Днѣпръ» вм. «днѣ при» и т. п. Возможно, что именно неправильное прочтение надписного окончания способствовало подстановке номинатива «ночь» взамен беспредложного локатива «ночи» (33), тогда как в «Сказании о Мамаевом побоище» соответствующий пассаж сохранил архаичную синтаксическую конструкцию: «долго нощи вечерняя заря потухла» (вар. «померкла»). В результате первоначально четкий текст стихов 33—34 «Дльго ноци мръкнетъ заря. Свѣтъ запала») был обесмыслен произвольной интерпункцией («Дльго. Ночь мръкнетъ, заря свѣтъ запала»).

Разночтения К «Зояни» и П «Трояни» (152), по всей вероятности, восходят к непонятому написанию «Зтрояни» (ср. контрастирующий образ «земли половецкыи» в том же стихе и сочетание 76 «землю трояню»). То же слово «земля», сокращенно обозначенное буквой «земля», по-видимому, выпало в 168: «зегзицею (земли) незнаемъ рано кычать», как ука-